

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

Александр Дюма

ГРАФ
МОНТЕ-КРИСТО

Том I

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Д 96

Перевод с французского Лидии Олавской, Владимира Строева
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Руководитель проекта Александр Лютиков
Оформление обложки и иллюстрация на обложке Сергея Шикина
Иллюстрации Станислава Гудечека и Венцеслава Черны
Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Дюма А.

Д 96 Граф Монте-Кристо : роман. Том 1 / Александр Дюма ; пер. с фр. Л. Олавской, В. Строева. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. — 768 с. : ил. + вкл. (16 с.).

ISBN 978-5-389-16171-9 (т. 1)

ISBN 978-5-389-16170-2 (комплект)

Блистательный «Граф Монте-Кристо» Александра Дюма по праву считается одним из самых популярных романов в мировой литературе. К нему писали продолжения, его ставили на сцене, создавали мюзиклы, экранизировали, но и по сей день бесценные издания этой книги доставляют удовольствие новым и новым поколениям читателей. История молодого парижанина, которого приятели в шутку засадили в тюрьму, почерпнута автором в архивах парижской полиции. А из-под пера мастера выходит моряк Эдмон Дантес, мученик замка Иф. Не дождавшись правосудия, он решает сам вершить суд и жестоко мстит врагам, разрушившим его счастье.

В настоящем издании впервые на русском языке текст сопровождается иллюстрациями чешских художников Станислава Гудечека и Венцеслава Черны. В издание также включена история сапожника Франсуа Пико, взятая из криминальной хроники начала XIX века и подсажившая Александру Дюма основную идею и ряд сюжетных перипетий романа.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2019
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-16171-9 (т. 1)
ISBN 978-5-389-16170-2 (комплект)

Литературно-художественное издание

АЛЕКСАНДР ДЮМА

ГРАФ МОНТЕ-КРИСТО. *Том 1*

Ответственный редактор Кирилл Красник.

Художественный редактор Сергей Шикин. Технический редактор Татьяна Тихомирова.

Корректоры Анна Быстрова, Лариса Ершова.

Подписано в печать 05.04.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 49 (вкл. вклейки). Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“». Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

Y=1LN-24681-01-R

9 785389 161719 01

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. МАРСЕЛЬ. ПРИБЫТИЕ

Двадцать седьмого февраля 1815 года дозорный Нотр-Дам де ла Гард дал знать о приближении трехмачтового корабля «Фараон», идущего из Смирны, Триеста и Неаполя.

Как всегда, портовый лоцман тотчас же отбыл из гавани, миновал замок Иф и пристал к кораблю между мысом Моржион и островом Рион.

Тотчас же, по обыкновению, площадка форта Св. Иоанна наполнилась любопытными, ибо в Марселе прибытие корабля всегда большое событие, особенно если этот корабль, как «Фараон»,

выстроен, оснащен, гружен на верфях древней Фокеи и принадлежит местному арматору.

Между тем корабль приближался; он благополучно прошел пролив, который вулканическое сотрясение некогда образовало между островами Каласарень и Жарос, обогнул Помег и приближался под тремя марсельями, кливером и контр-бизанью, но так медленно и скорбно, что любопытные, невольно почуяв несчастье, спрашивали себя, что бы такое могло с ним случиться. Однако знатоки дела видели ясно, что если что и случилось, то не с самим кораблем, ибо он шел, как полагается хорошо управляемому судну: якорь был готов к отдаче, ватербакштаги отданы, а рядом с лоцманом, который готовился ввести «Фараон» узким входом в марсельскую гавань, стоял молодой человек, проворный и зоркий, наблюдавший за каждым движением корабля и повторявший каждую команду лоцмана.

Безотчетная тревога, витавшая над толпою, с особой силой охватила одного из зрителей, так что он не стал дожидаться, пока корабль войдет в порт; он бросился в лодку и приказал грести навстречу «Фараону», с которым и поравнялся напротив бухты Резерв.

Завидев этого человека, молодой моряк отошел от лоцмана и, сняв шляпу, стал у борта.

Это был юноша лет восемнадцати-двадцати, высокий, стройный, с красивыми черными глазами и черными как смоль волосами; весь его облик дышал тем спокойствием и решимостью, какие свойственны людям, с детства привыкшим бороться с опасностью.

— А! Это вы, Дантес! — крикнул человек в лодке. — Что случилось? Почему все так уныло у вас на корабле?

— Большое несчастье, господин Моррель, — отвечал юноша, — большое несчастье, особенно для меня: у Чивита-Веккии мы лишились нашего славного капитана Леклера.

— А груз? — живо спросил арматор.

— Прибыл в целости, господин Моррель, и, я думаю, в этом отношении вы будете довольны... Но бедный капитан Леклер...

— Что же с ним случилось? — спросил арматор с видом явного облегчения. — Что случилось с нашим славным капитаном?

— Он скончался.

— Упал за борт?

— Нет, умер от нервной горячки, в страшных мучениях, — сказал Дантес.

Затем, обернувшись к экипажу, он крикнул:

— Эй! По местам стоять! На якорь становиться!

Экипаж повиновался. Тотчас же восемь или десять матросов, из которых он состоял, бросились кто к шкотам, кто к брасам, кто к фалам, кто к кливер-ниралам, кто к гитовам.

Молодой моряк окинул их беглым взглядом и, видя, что команда выполняется, опять повернулся к своему собеседнику.

— А как же случилось это несчастье? — спросил арматор, возобновляя прерванный разговор.

— Да самым неожиданным образом. После продолжительного разговора с комендантом порта капитан Леклер в сильном возбуждении покинул Неаполь; через сутки у него началась горячка; через три дня он был мертв... Мы похоронили его как полагаются, и теперь он покоится, завернутый в холст с ядром в ногах и ядром в головах, у острова Дель-Джильо. Мы привезли вдове его крест и шпагу. Стоило, — прибавил юноша с печальной улыбкой, — стоило десять лет воевать с англичанами, чтобы умереть, как все, в постели!

— Что поделаешь, Эдмон! — сказал арматор, который, по-видимому, все более и более успокаивался. — Все мы смертны, и надо, чтобы старые уступали место молодым, — иначе все бы оставилось. И так как вы говорите, что груз...

— В полной сохранности, господин Моррель, я вам ручаюсь. И я думаю, что вы продешевите, если удовольствуетесь барышом в двадцать пять тысяч франков.

И, видя, что «Фараон» уже миновал круглую башню, он крикнул:

— На марса-гитовы! Кливер-нирал! На бизань-шкот! Якорь к отдаче изготовить!

Приказание было исполнено почти с такой же быстротой, как на военном судне.

— Шкоты отдать! Паруса на гитовы!

При последней команде все паруса упали, и корабль продолжал скользить еле заметно, двигаясь только по инерции.

— А теперь, не угодно ли вам подняться, господин Моррель, — сказал Дантес, видя нетерпение арматора. — Вот и господин Данглар, ваш бухгалтер, выходит из каюты. Он сообщит вам

все сведения, какие вы только пожелаете. А мне надобно стать на якорь и позаботиться о знаках траура.

Вторичного приглашения не понадобилось. Арматор схватился за канат, брошенный Дантесом, и с ловкостью, которая сделала бы честь любому моряку, взобрался по скобам, вбитым в выпуклый борт корабля, а Дантес вернулся на свое прежнее место, уступая разговор тому, кого он назвал Дангларом, который, выйдя из каюты, действительно шел навстречу Моррелю.

Это был человек лет двадцати пяти, довольно мрачного вида, угодливый с начальниками, дерзкий с подчиненными. За это еще более, чем за титул бухгалтера, всегда ненавистный матросам, экипаж настолько же его недолюбливал, насколько любил Дантеса.

— Итак, господин Моррель, — сказал Данглар, — вы уже знаете о нашем несчастье?

— Да! Да! Бедный капитан Леклер! Это был славный и честный человек!

— А главное — превосходный моряк, состарившийся между небом и водой, каким и должен быть человек, которому доверены интересы такой крупной фирмы, как «Моррель и сын», — отвечал Данглар.

— Мне кажется, — сказал арматор, следя глазами за Дантесом, который выбирал место для стоянки, — что вовсе не нужно быть таким старым моряком, как вы говорите, чтобы знать свое дело. Вот наш друг Эдмон так хорошо справляется, что ему, похожему, не требуется ничьих советов.

— Да, — отвечал Данглар, бросив на Дантеса косою взгляд, в котором блеснула ненависть, — да, молодость и самонадеянность. Не успел умереть капитан, как он принял команду, не посоветовавшись ни с кем, и заставил нас потерять полтора дня у острова Эльба, вместо того чтобы идти прямо на Марсель.

— Приняв команду, — сказал арматор, — он исполнил свой долг как помощник капитана, но терять полтора дня у острова Эльба было неправильно, если только корабль не нуждался в починке.

— Корабль был цел и невредим, господин Моррель, а эти полтора дня потеряны из чистого каприза, ради удовольствия сойти на берег, только и всего.

— Дантес! — сказал арматор, обращаясь к юноше. — Подите-ка сюда.

— Простите, сударь, — отвечал Дантес, — через минуту я к вашим услугам.

Потом, обращаясь к экипажу, скомандовал:

— Отдать якорь!

Тотчас же якорь отдали, и цепь с грохотом побежала. Дантес оставался на своем посту, несмотря на присутствие лоцмана, до тех пор, пока не был выполнен и этот последний маневр.

Потом он крикнул:

— Вымпел приспустить до половины, флаг завязать узлом, реи скрестить!

— Вот видите, — сказал Данглар, — он уже воображает себя капитаном, даю вам слово.

— Да он и есть капитан, — отвечал арматор.

— Да, только не утвержден еще ни вами, ни вашим компаньоном, господин Моррель.

— Отчего же нам не оставить его капитаном? — сказал арматор. — Правда, он молод, но, кажется, предан делу и очень опытен.

Лицо Данглара омрачилось.

— Извините, господин Моррель, — сказал Дантес, подходя, — якорь отдан, и я к вашим услугам. Вы, кажется, звали меня?

Данглар отступил на шаг.

— Я хотел вас спросить, зачем вы заходили на остров Эльба?

— Сам не знаю. Я исполнял последнее распоряжение капитана Леклера. Умирая, он велел мне доставить пакет маршалу Бертрану.

— Так вы его видели, Эдмон?

— Кого?

— Маршала.

— Да.

Моррель оглянулся и отвел Дантеса в сторону.

— А что император? — спросил он с живостью.

— Здоров, насколько я мог судить.

— Так вы и самого императора видели?

— Он вошел к маршалу, когда я у него был.

— И вы говорили с ним?

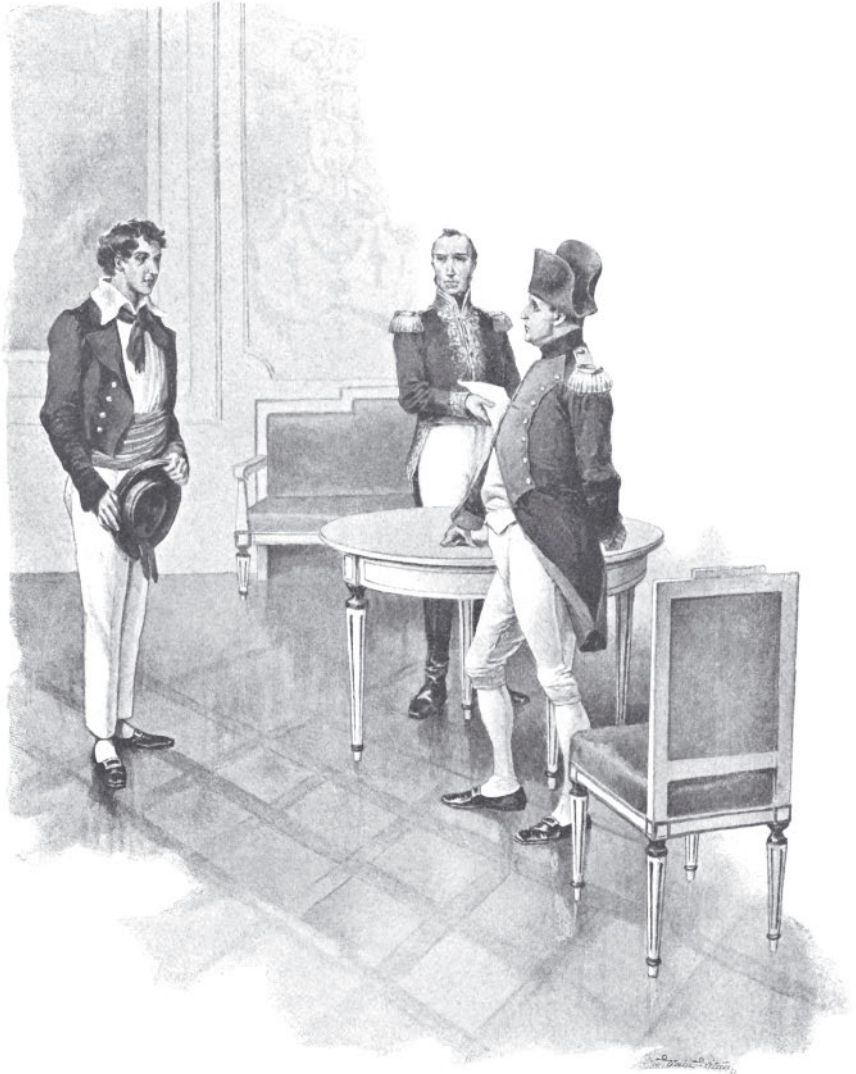
— То есть он со мной говорил, — отвечал Дантес с улыбкой.

— Что же он вам сказал?

— Спрашивал о корабле, о времени отбытия в Марсель, о нашем курсе, о грузе. Думаю, что, если бы корабль был пустой и принадлежал мне, он готов был бы купить его; но я сказал ему, что

я только заступаю место капитана и что корабль принадлежит торговому дому «Моррель и сын». «А, знаю, — сказал он, — Моррели — арматоры из рода в род, и один Моррель служил в нашем полку, когда я стоял в Балансе».

— Верно! — вскричал радостно арматор. — Это был Поликар Моррель, мой дядя, который дослужился до капитана. Дантес,

вы скажете моему дяде, что император вспомнил о нем, и вы увидите, как старый ворчун заплачет. Ну, ну, — продолжал арматор, дружески хлопая молодого моряка по плечу, — вы хорошо сделали, Дантес, что исполнили приказ капитана Леклера и остановились у Эльбы; хотя если узнают, что вы доставили пакет маршалу и говорили с императором, то это может вам повредить.

— Чем же это может мне повредить? — отвечал Дантес. — Я даже не знаю, что было в пакете, а император задавал мне вопросы, какие задал бы первому встречному. Но разрешите: вот едут карантинные и таможенные чиновники.

— Ступайте, ступайте, дорогой мой.

Молодой человек удалился, и в ту же минуту подошел Данглар.

— Ну что? — спросил он. — Он, по-видимому, объяснил вам, зачем он заходил в Порто-Феррайо?

— Вполне, дорогой Данглар.

— А! Тем лучше, — отвечал тот. — Тяжело видеть, когда товарищ не исполняет своего долга.

— Дантес свой долг исполнил, и тут ничего не скажешь, — возразил арматор. — Это капитан Леклер приказал ему остановиться у Эльбы.

— Кстати, о капитане Леклере; он отдал вам его письмо?

— Кто?

— Дантес.

— Мне? Нет. Разве у него было письмо?

— Мне казалось, что, кроме пакета, капитан дал ему еще и письмо.

— О каком пакете вы говорите, Данглар?

— О том, который Дантес отвез в Порто-Феррайо.

— А откуда вы знаете, что Дантес отвозил пакет в Порто-Феррайо?

Данглар покраснел.

— Я проходил мимо каюты капитана и видел, как он отдавал Дантесу пакет и письмо.

— Он мне ничего не говорил, но если у него есть письмо, то он мне его передаст.

Данглар задумался.

— Если так, господин Моррель, то прошу вас, не говорите об этом Дантесу. Я, верно, ошибся.

В эту минуту молодой моряк возвратился. Данглар опять отошел.

- Ну что, дорогой Дантес, вы свободны? — спросил арматор.
- Да, господин Моррель.
- Как вы скоро покончили!
- Да, я вручил таможенникам списки наших товаров, а из порта прислали с лоцманом человека, которому я и передал наши бумаги.

— Так вам здесь нечего больше делать?

Дантес быстро осмотрелся.

— Нечего, все в порядке, — сказал он.

— Так поедем обедать к нам.

— Прошу прощения, господин Моррель, но прежде всего я должен повидаться с отцом. Благодарю вас за честь...

— Правильно, Дантес, правильно. Я знаю, что вы хороший сын.

— А мой отец, — спросил Дантес нерешительно, — он здоров, вы не знаете?

— Думаю, что здоров, дорогой Эдмон, хотя я его не видел.

— Да, он все сидит в своей комнатушке.

— Это доказывает, по крайней мере, что он без вас не нуждался ни в чем.

Дантес улыбнулся:

— Отец мой горд, и если бы он даже нуждался во всем, то ни у кого на свете, кроме Бога, не попросил бы помощи.

— Итак, навестив отца, вы, надеюсь, придете к нам?

— Еще раз извините, господин Моррель, но у меня есть другой долг, который для меня так же драгоценен.

— Да! Я и забыл, что в Каталанах кто-то ждет вас с таким же нетерпением, как и ваш отец, — прекрасная Мерседес.

Дантес улыбнулся.

— Вот оно что! — продолжал арматор. — Теперь я понимаю, почему она три раз приходила справляться, скоро ли будет «Фараон». Черт возьми, Эдмон, вы счастливец, подружка хоть куда!

— Она мне не подружка, — серьезно сказал моряк, — она моя невеста.

— Иногда это одно и то же, — засмеялся арматор.

— Не для нас, — отвечал Дантес.

— Хорошо, Эдмон, я вас не удерживаю. Вы так хорошо устроили мои дела, что я должен дать вам время на устройство ваших. Не нужно ли вам денег?

— Нет, не нужно. У меня осталось все жалованье, полученное за время плавания, то есть почти за три месяца.

— Вы аккуратный человек, Эдмон.

— Не забудьте, господин Моррель, что мой отец беден.

— Да, да, я знаю, что вы хороший сын. Ступайте к отцу. У меня тоже есть сын, и я бы очень рассердился на того, кто после трехмесячной разлуки помешал бы ему повидаться со мной.

- Так вы разрешите? — сказал молодой человек, кланяясь.
- Идите, если вам больше нечего мне сказать.
- Больше нечего.
- Капитан Леклер, умирая, не давал вам письма ко мне?
- Он не мог писать; но ваш вопрос напомнил мне, что я должен буду попроситься у вас в двухнедельный отпуск.
- Для свадьбы?
- И для свадьбы, и для поездки в Париж.
- Пожалуйста. Мы будем разгружаться недель шесть и выйдем в море не раньше как месяца через три. Но через три месяца вы должны быть здесь, — продолжал арматор, хлопая молодого моряка по плечу. — «Фараон» не может идти в плавание без своего капитана.

— Без своего капитана! — вскричал Дантес, и глаза его радостно заблестели. — Говорите осторожнее, господин Моррель, потому что вы сейчас ответили на самые тайные надежды моей души. Вы хотите назначить меня капитаном «Фараона»?

— Будь я один, дорогой мой, я бы протянул вам руку и сказал: «Готово дело!» Но у меня есть компаньон, а вы знаете итальянскую поговорку: «Chi ha compagno ha padrone»¹. Но половина дела сделана, потому что из двух голосов один уже принадлежит вам. А добыть для вас второй — предоставьте мне.

— О господин Моррель! — вскричал юноша со слезами на глазах, сжимая ему руки. — Благодарю вас от имени отца и Мерседес.

— Ладно, ладно, Эдмон, есть же для честных людей Бог на небе, черт возьми! Повидайтесь с отцом, повидайтесь с Мерседес, а потом приходите ко мне.

— Вы не хотите, чтобы я отвез вас на берег?

— Нет, благодарю. Я останусь здесь и просмотрю счета с Дангларом. Вы были довольны им во время плаванья?

— И доволен, и нет. Как товарищем — нет. Мне кажется, он меня невзлюбил с тех пор, как однажды, повздорив с ним, я имел глупость предложить ему остановиться минут на десять у острова Монте-Кристо, чтобы разрешить наш спор; конечно, мне не следовало этого говорить, и он очень умно сделал, что отказался. Как о бухгалтере о нем ничего нельзя сказать дурного, и вы, вероятно, будете довольны им.

¹ У кого компаньон, у того хозяин (*ит.*).

— Но скажите, Дантес, — спросил арматор, — если бы вы были капитаном «Фараона», вы бы охотно оставили у себя Данглара?

— Буду ли я капитаном или помощником, господин Моррель, я всегда буду относиться с полным уважением к тем лицам, которые пользуются доверием моих хозяев.

— Правильно, Дантес. Вы во всех отношениях славный малый. А теперь ступайте; я вижу, вы как на иголках.

— Так я в отпуску?

— Ступайте, говорят вам.

— Вы мне позволите взять вашу лодку?

— Возьмите.

— До свидания, господин Моррель. Тысячу раз благодарю вас.

— До свидания, Эдмон. Желаю удачи!

Молодой моряк прыгнул в лодку, сел у руля и велел грести к улице Каннебьер. Два матроса налегли на весла, и лодка понеслась так быстро, как только позволяло множество других лодок, которые загромождали узкий проход, ведущий между двумя рядами кораблей от входа в порт к Орлеанской набережной.

Армадор с улыбкой следил за ним до самого берега, видел, как он выпрыгнул на мостовую набережной и исчез в пестрой толпе, наполняющей с пяти часов утра до девяти часов вечера знаменитую улицу Каннебьер, которой современные фокейцы так гордятся, что говорят самым серьезным образом, со своим характерным акцентом: «Будь в Париже улица Каннебьер, Париж был бы маленьким Марселем».

Оглянувшись, арматор увидел за своей спиной Данглара, который, казалось, ожидал его приказаний, а на самом деле, как и он, провожал взглядом молодого моряка. Но была огромная разница в выражении этих двух взглядов, следивших за одним и тем же человеком.

II. ОТЕЦ И СЫН

Пока Данглар, вдохновляемый ненавистью, старается очернить своего товарища в глазах арматора, последуем за Дантесом, который, пройдя всю улицу Каннебьер, миновал улицу Ноайль, вошел в небольшой дом по левой стороне Мельянских аллей, быстро поднялся по темной лестнице на пятый этаж и, держась

одной рукой за перила, а другую прижимая к сильно бьющемуся сердцу, остановился перед полуотворенной дверью, через которую можно было видеть всю каморку.

В этой каморке жил его отец.

Известие о прибытии «Фараона» не дошло еще до старика, который, взобравшись на стул, дрожащей рукой опраивал настурции и ломоносы, обвивавшие его окошко. Вдруг кто-то обхватил его сзади, и он услышал знакомый голос:

— Отец!

Старик вскрикнул и обернулся. Увидев сына, он бросился в его объятия, весь бледный и дрожащий.

— Что с тобой, отец? — спросил юноша с беспокойством. — Ты болен?

— Нет-нет, милый Эдмон, сын мой, дитя мое, нет! Но я не ждал тебя... Ты застал меня врасплох... это от радости. Боже мой! Мне кажется, что я умру!

— Успокойся, отец, это же я. Все говорят, что радость не может повредить, вот почему я так прямо и вошел к тебе. Улыбнись, не смотри на меня безумными глазами. Я вернулся домой, и все будет хорошо.

— Тем лучше, дитя мое, — отвечал старик, — но как же все будет хорошо? Разве мы больше не расстанемся? Расскажи же мне о твоём счастье!

— Да простит мне Господь, что я радуюсь счастью, построенному на горе целой семьи, но, видит Бог, я не желал этого счастья. Оно пришло само собой, и у меня нет сил печалиться. Капитан Леклер скончался, и весьма вероятно, что благодаря покровительству Морреля я получу его место. Понимаете, отец? В двадцать лет я буду капитаном! Сто луидоров жалованья и доля в прибылях! Разве мог я, бедный матрос, ожидать этого?

— Да, сын мой, ты прав, — сказал старик, — это большое счастье.

— И я хочу, чтобы на первые же деньги вы завели себе домик с садом для ваших ломоносов, настурций и жимолости... Но что с тобой, отец? Тебе дурно?

— Ничего, ничего... сейчас пройдет!

Силы изменили старику, и он откинулся назад.

— Сейчас, отец! Выпей стакан вина, это тебя подкрепит. Где у тебя вино?

— Нет, спасибо, не ищи, не надо, — сказал старик, стараясь удержать сына.

— Как не надо!.. Скажите, где вино?

Он начал шарить в шкафу.

— Не ищи... — сказал старик. — Вина нет..

— Как нет? — вскричал Дантес. Он с испугом глядел то на впалые бледные щеки старика, то на пустые полки. — Как нет вина? Вам не хватило денег, отец?

— У меня всего вдоволь, раз ты со мною, — отвечал старик.

— Однако же, — прошептал Дантес, отирая пот с лица, — я вам оставил двести франков назад тому три месяца, когда уезжал.

— Да, да, Эдмон, но ты, уезжая, забыл вернуть должок соседу Кадруссу; он мне об этом напомнил и сказал, что если я не заплачу за тебя, то он пойдет к господину Моррелю. Я боялся, что это повредит тебе...

— И что же?

— Я и заплатил.

— Но ведь я был должен Кадруссу сто сорок франков! — вскричал Дантес.

— Да, — пролепетал старик.

— И вы их заплатили из двухсот франков, которые я вам оставил?

Старик кивнул головой.

— И жили целых три месяца на шестьдесят франков?

— Много ли мне надо, — отвечал старик.

— Господи! — простонал Эдмон, бросаясь на колени перед отцом.

— Что с тобой?

— Никогда себе этого не прощу.

— Брось, — сказал старик с улыбкой, — ты вернулся, и все забыто. Ведь теперь все хорошо.

— Да, я вернулся, — сказал юноша, — вернулся с наилучшими надеждами и с кое-какими деньгами... Вот, отец, берите, берите и сейчас же пошлите купить чего-нибудь.

И он высыпал на стол дюжину золотых, пять или шесть пятифранковых монет и мелочь. Лицо старого Дантеса просияло.

— Чье это? — спросил он.

— Да мое... твоё... наше! Бери, накупи провизии, не жалея денег, завтра я еще принесу.

— Постой, постой, — сказал старик, улыбаясь. — С твоего позволения я буду тратить деньги потихоньку; если я сразу много накоплю, то еще, пожалуй, люди подумают, что мне пришлось для этого ждать твоего возвращения.

— Делай, как тебе угодно, но прежде всего найми служанку. Я не хочу, чтобы ты жил один. У меня в трюме припрятан контрабандный кофе и чудесный табак; завтра же ты их получишь. Тише! Кто-то идет.

— Это, должно быть, Кадрусс. Узнал о твоём приезде и идет поздравить тебя со счастливым возвращением.

— Вот еще уста, которые говорят одно, между тем как сердце думает другое, — прошептал Эдмон. — Но все равно, он наш сосед и оказал нам когда-то услугу! Примем его ласково.

Не успел Эдмон договорить, как в дверях показалась черная бородастая голова Кадрусса. Это был человек лет двадцати пяти — двадцати шести; в руках он держал кусок сукна, который он, согласно своему ремеслу портного, намеревался превратить в одежду.

— А! Приехал, Эдмон! — сказал он с сильным марсельским акцентом, широко улыбаясь, так что видны были все его зубы, белые, как слоновая кость.

— Как видите, сосед Кадрусс, я к вашим услугам, если имеете надобность, — отвечал Дантес, с трудом скрывая холодность под любезным тоном.

— Покорно благодарю. К счастью, мне ничего не нужно, и даже иной раз другие во мне нуждаются. — (Дантес вздрогнул.) — Я не про тебя говорю, Эдмон. Я дал тебе денег займа, ты мне их отдал; так водится между добрыми соседями, и мы в расчете.

— Никогда не бываешь в расчете с теми, кто нам помог, — сказал Дантес. — Когда денежный долг возвращен, остается долг благодарности.

— К чему говорить об этом? Что было, то прошло. Поговорим лучше о твоём счастливом возвращении. Я пошел в порт поискать коричневое сукно и встретил своего приятеля Данглара.

«Как, ты в Марселе?» — говорю ему.

«Да, как видишь».

«А я думал, ты в Смирне».

«Мог бы быть и там, потому что прямо оттуда».

«А где же наш Эдмон?»

«Да, верно, у отца», — отвечал мне Данглар. Вот я и пришел, — продолжал Кадрусс, — чтобы приветствовать друга.

— Славный Кадрусс, как он нас любит! — сказал старик.

— Разумеется, люблю и притом еще уважаю, потому что честные люди редки... Но ты никак разбогател, приятель? — продолжал портной, искоса взглянув на кучку золота и серебра, выложенную на стол Дантесом.

Юноша заметил искру жадности, блеснувшую в черных глазах соседа.

— Это не мои деньги, — отвечал он небрежно. — Я сказал отцу, что боялся найти его в нужде, а он, чтобы успокоить меня, высыпал на стол все, что было у него в кошельке. Спрячьте деньги, отец, если только соседу они не нужны, а то они к его услугам.

— Нет, друг мой, — сказал Кадрусс, — мне ничего не нужно; слава богу, ремесло мастера кормит. Береги денежки, лишних никогда не бывает. При всем том я тебе благодарен за твое предложение не меньше, чем если бы я им воспользовался.

— Я предложил от сердца, — сказал Дантес.

— Не сомневаюсь. Итак, ты в большой дружбе с Моррелем, хитрец ты этакий?

— Господин Моррель всегда был очень добр ко мне, — отвечал Дантес.

— В таком случае ты напрасно отказался от обеда.

— Как отказался от обеда? — спросил старый Дантес. — Разве он звал тебя обедать?

— Да, отец, — отвечал Дантес и улыбнулся, заметив, как поразила старика необычайная честь, оказанная его сыну.

— А почему же ты отказался, сын? — спросил старик.

— Чтобы пораньше прийти к вам, отец, — ответил молодой человек. — Мне не терпелось увидиться с вами.

— Моррель, должно быть, обиделся, — продолжал Кадрусс, — а когда метишь в капитаны, не следует перечить арматору.

— Я объяснил ему причину отказа, и он понял меня, надеюсь.

— Чтобы стать капитаном, надобно немножко подольститься к хозяевам.

— Я надеюсь быть капитаном и без этого, — отвечал Дантес.

— Тем лучше, тем лучше! Это порадует всех старых твоих друзей. А там, за фортом Святого Николая, я знаю кое-кого, кто будет особенно доволен.

— Мерседес? — спросил старик.

— Да, отец, — сказал Дантес. — И теперь, когда я вас повидал, когда я знаю, что вы здоровы и что у вас есть все, что вам нужно, я попрошу у вас позволения отправиться в Каталаны.

— Ступай, дитя мое, ступай, — отвечал старый Дантес, — и да благословит тебя Господь женой, как благословил меня сыном.

— Женой! — сказал Кадрусс. — Как вы, однако, спешите; она еще не жена ему как будто!

— Нет еще, но по всем вероятностям, скоро будет, — отвечал Эдмон.

— Как бы то ни было, — сказал Кадрусс, — ты хорошо сделал, что поспешил с приездом.

— Почему?

— Потому что Мерседес — красавица, а у красавиц нет недостатка в поклонниках; у этой — особенно: они дюжинами ходят за ней.

— В самом деле? — сказал Дантес с улыбкой, в которой заметна была легкая тень беспокойства.

— Да, да, — продолжал Кадрусс, — и притом завидные женихи; но, сам понимаешь, ты скоро будешь капитаном, и тебе едва ли откажут.

— Это значит, — подхватил Дантес с улыбкой, которая едва прикрывала его беспокойство, — это значит, что если бы я не стал капитаном...

— Гм! Гм! — пробормотал Кадрусс.

— Ну, — сказал молодой человек, — я лучшего мнения, чем вы, о женщинах вообще и о Мерседес в особенности, и я убежден, что, буду я капитаном или нет, она останется мне верна.

— Тем лучше, — сказал Кадрусс, — тем лучше! Когда женишься, нужно уметь верить; но все равно, приятель, я тебе говорю, не теряй времени, ступай, объяви ей о своем приезде и поделись своими надеждами.

— Иду, — отвечал Эдмон.

Он поцеловал отца, кивнул Кадруссу и вышел.

Кадрусс посидел у старика еще немного, потом, простившись с ним, тоже вышел и вернулся к Данглару, который ждал его на углу улицы Сенак.

— Ну что? — спросил Данглар. — Ты его видел?

— Видел, — ответил Кадрусс.

— И он говорил тебе о своих надеждах на капитанство?

— Он говорит об этом так, как будто он уже капитан.

— Вот как! — сказал Данглар. — Уж больно он торопится!

— Но Моррель ему, как видно, обещал...

— Так он очень весел?

— Даже до дерзости; он уже предлагал мне свои услуги, как какая-нибудь важная особа; предлагал мне денег, как банкир.

— И ты отказался?

— Отказался. А мог бы взять у него взаймы, потому что не кто другой, как я, одолжил ему первые деньги, которые он видел в своей жизни. Но теперь господин Дантес ни в ком не нуждается: он скоро будет капитаном!

— Ну, он еще не капитан!

— Правду сказать, хорошо было бы, если бы он им и не стал, — продолжал Кадрусс, — а то с ним и говорить нельзя будет.

— Если мы захотим, — сказал Данглар, — он будет тем же, что и теперь, а может быть, и того меньше.

— Что ты говоришь?

— Ничего, я говорю сам с собою. И он все еще влюблен в прекрасную каталанку?

— До безумия; он уже побежал туда. Но или я очень ошибаюсь, или с этой стороны его ждут неприятности.

— Скажи яснее.

— Зачем?

— Это гораздо важнее, чем ты думаешь. Ведь ты не любишь Дантеса?

— Я не люблю гордецов.

— Так скажи мне все, что знаешь о каталанке.

— Я не знаю ничего наверное, но видел такие вещи, что думаю, как бы у будущего капитана не вышло неприятностей на дорое у Старой Больницы.

— Что же ты видел? Ну, говори.

— Я видел, что каждый раз, как Мерседес приходит в город, ее провожает рослый детина, каталанец, с черными глазами, краснолицый, черноволосый, сердитый. Она называет его двоюродным братом.

— В самом деле!.. И ты думаешь, что этот братец за нею волочится?

— Предполагаю, — как же может быть иначе между двадцатилетним детиной и семнадцатилетней красавицей?

— И ты говоришь, что Дантес пошел в Каталаны?

— Пошел при мне.

— Если мы пойдем туда же, мы можем остановиться в «Резерве» и за стаканом мальгского вина подождать новостей.

— А кто нам их сообщит?

— Мы будем на его пути и по лицу Дантеса увидим, что произошло.

— Идем, — сказал Кадрусс, — но только платишь ты.

— Разумеется, — отвечал Данглар.

И оба быстрым шагом направились к назначенному месту. Придя в трактир, они велели подать бутылку вина и два стакана.

От старика Памфила они узнали, что минут десять тому назад Дантес прошел мимо трактира.

Иллюстрации
Станислава Гудечека
к роману
«Граф Монте-Кристо»